

ЖАН ПОЛЬ

САРТР

*МУХИ
ЗАТВОРНИКИ АЛЬТОНЫ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Жан-Поль Сартр

Мухи. Затворники Альтоны

«Издательство АСТ»

1947, 1960

УДК 821.133.1-2
ББК 84(4Фра)-6

Сартр Ж.

Мухи. Затворники Альтоны / Ж. Сартр — «Издательство АСТ»,
1947, 1960 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133122-1

Две самые сильные пьесы Сартра и, возможно, вообще два сильнейших произведения французской драматургии. Два яростных, неистовых крика о свободе – той самой истинной свободе, которая не является вседозволенностью, но включает в себя осознанный выбор ответственности за содеянное и порой, как с гордостью признает герой одной из пьес сборника, «начинается по другую сторону отчаяния». Мертв великий царь Агамемнон, но однажды приходит в Микены юноша Орест – сын убитого. Возвращается, дабы вместе со своей сестрой Электрой отомстить губителям отца, одна из которых – их родная мать, царица Клитемнестра. А страшнее матереубийства преступления нет... Миновали годы после Второй мировой, но в уединенном поместье по-прежнему томится объявленный убитым Франц фон Герлах – нацистский преступник, сумевший избежать суда людского, но не обвинений собственной совести, однако и сам судящий свою эпоху... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-2

ББК 84(4Фра)-6

ISBN 978-5-17-133122-1

© Сартр Ж., 1947, 1960

© Издательство АСТ, 1947, 1960

Содержание

Мухи	6
Действующие лица	6
Акт первый	7
Явление первое	7
Явление второе	11
Явление третье	13
Явление четвертое	14
Явление пятое	16
Явление шестое	18
Акт второй	20
Картина первая	20
Явление первое	20
Явление второе	21
Явление третье	23
Явление четвертое	25
Картина вторая	30
Явление первое	30
Явление второе	30
Явление третье	31
Явление четвертое	32
Явление пятое	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Жан-Поль Сартр

Мухи. Затворники Альтоны

Jean-Paul Sartre
LES MOUCHES
LES SÉQUESTRÉS D'ALTONA

© Editions Gallimard, Paris, 1947, 1960
© Перевод. Л. Зонина, наследники, 2017
© Перевод. Л. Большинцова, наследники, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Мухи

Драма в трех актах

Шарлю Дюклону, в знак благодарности и дружбы

Действующие лица

ЮПИТЕР.
ОРЕСТ.
ЭГИСФ.
ПЕДАГОГ.
ПЕРВЫЙ СОЛДАТ.
ВТОРОЙ СОЛДАТ.
ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ.
ЭЛЕКТРА.
КЛИТЕМНЕСТРА.
СТАРУХА.
МУЖЧИНА.
ЖЕНЩИНА.
МАЛЬЧИК.
МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.
ПЕРВАЯ ЭРИНИЯ.
ВТОРАЯ ЭРИНИЯ.
ТРЕТЬЯ ЭРИНИЯ.

Мужчины и женщины из народа, эринии, служители, дворцовая стража, старухи, идиот.

Акт первый

Площадь в Аргосе. Статуя Юпитера, бога мух и смерти. Глаза белые, лицо вымазано кровью.

Явление первое

Шествие старух, совершающих жертвенные возлияния. В глубине сидит на земле идиот. Входят Орест и Педагог, потом Юпитер.

Орест. Эй, добрые женщины!

Они разом поворачиваются, вскрикивают.

Педагог. Не скажете ли?..

Они сплевывают, отступая на шаг.

Да послушайте же: мы путешественники, заблудились. Мне нужно только справиться у вас.

Старухи разбегаются, роняя амфоры.

Старые клячи! Точно я посягаю на их прелести. Вот уж веселенькое путешествие, государь мой! Нечего сказать, хорошо вы придумали – отправиться сюда, когда в Греции и Италии больше пятисот столиц, где есть доброе вино, приветливые гостиницы и людные улицы. Эти горные жители, наверно, туристов в глаза не видывали. Проклятый городишко совсем истомился на солнце. Тысячу раз я спрашивал дорогу: в ответ – вопли ужаса, паника, тяжелый черный топот по слепящим улицам. Брр! Эти пустые улицы, дрожащий воздух и солнце... Есть ли что-нибудь на свете мрачнее солнца?

Орест. Я здесь родился...

Педагог. Да... Но на вашем месте я не стал бы этим хвастать.

Орест. Я здесь родился, и мне приходится спрашивать дорогу, как случайному прохожему. Постучись в эту дверь.

Педагог. На что вы надеетесь? Думаете, вам ответят? Взгляните на эти дома и скажите, на что они похожи. Где окна? Они глядят во дворы – замкнутые и наверняка темные, – а на улицу эти дома выставляют свои зады...

Нетерпеливый жест Ореста.

Хорошо. Стучу, но это безнадежно. (*Стучит.*)

Тишина. Снова стучит. Дверь приоткрывается.

Голос: «Что вам нужно?»

Только справиться. Не знаете ли вы, где проживает...

Дверь внезапно захлопывается.

Чтоб вам пусто было! Довольны ли вы, господин Орест, достаточно ли с вас этого опыта? Я могу, если вам угодно, барабанить во все двери.

Орест. Нет, оставь.

Педагог. Глядите-ка, кто-то есть. (*Подходит к идиоту.*) Ваша светлость!

Идиот. М-м-м...

Педагог. Не соблаговолите ли вы указать нам дом Эгисфа?

Идиот. М-м-м...

Педагог. Эгисфа, царя Аргоса.

Идиот. М-м-м, м-м-м!

В глубине сцены проходит Юпитер.

Педагог. Вот невезенье! Один не удрал – и тот идиот!

Вновь проходит Юпитер.

Это еще что! Он и сюда явился вслед за нами.

Орест. Кто?

Педагог. Бородач.

Орест. Ты бредишь.

Педагог. Я видел, он только что прошел мимо.

Орест. Тебе показалось.

Педагог. Ни в коем случае. Я в жизни не видел такой бороды. Если не считать одной – бронзовой, которая украшает Юпитера бородатого в Палермо. Глядите, вот он опять. Чего ему от нас надо?

Орест. Он путешествует, как мы.

Педагог. Как же! Мы повстречались с ним на пути в Дельфы. А когда мы сели на корабль в Ите – его борода там уже красовалась. В Навплионе мы шагу не могли сделать – он путался у нас в ногах. А теперь он – здесь. По-вашему, это, конечно, случайные совпадения? (*Отгоняет мух рукой.*) Да, мухи Аргоса, кажется, куда гостеприимней людей. Вы только посмотрите на них, посмотрите! (*Показывает на глаза идиота.*) На глазу, как на торте, – целая дюжина, и он еще блаженно улыбается – доволен, что ему сосут глаза. А из этих гляделок и впрямь сочтется какая-то белая жижа, точно скисшее молоко. (*Отгоняет мух.*) Хватит, хватит! Ну вот, теперь к вам прицепились. (*Прогоняет их.*) Это должно вас ободрить: вы все горевали, что чувствуете себя на родине чужеземцем, но эти насекомые так бурно выражают свою радость, они явно узнали вас. (*Прогоняет мух.*) Ну, тихо, тихо! Не надо восторгов! И откуда их столько? Они оглушительней трещоток и крупнее стрекоз.

Юпитер (*подойдя*). Это всего-навсего мясные мухи, чуть разжиревшие. Пятнадцать лет назад их привлекла в город вонь падали. С тех пор они жиреют. Лет через пятнадцать они, пожалуй, станут ростом с лягушонка.

Педагог (*после паузы*). С кем имеем честь?

Юпитер. Мое имя Деметриос. Я из Афин.

Орест. Мне кажется, я видел вас на корабле недели две назад.

Юпитер. И я вас видел.

Страшные вопли во дворце.

Педагог. Ого! Все это не сулит ничего хорошего. Я полагаю, государь мой, что нам лучше всего удалиться.

Орест. Замолчи.

Юпитер. Вам нечего бояться. Сегодня день мертвых. Эти вопли означают, что праздничная церемония началась.

Орест. Вы, по-видимому, много знаете об Аргосе.

Юпитер. Я частенько навещаю сюда. Я был здесь, видите ли, в день возвращения царя Агамемнона, когда победоносный греческий флот бросил якорь на рейде Навплиона. С высоты укреплений можно было разглядеть белые паруса. (*Отгоняет мух.*) Мух тогда еще не было. Аргос был тихим провинциальным городишком, лениво скучавшим на солнцепеке. Назавтра я поднялся вместе со всеми на крепостные стены, и мы долго следили за царским кортежем, двигавшимся по равнине. А через день, к вечеру, вышла на укрепления царица Клитемнестра в сопровождении Эгисфа, нынешнего царя. Жители Аргоса увидели их лица, багровые от заходящего солнца, увидели, как они, прильнув к бойницам, долго глядели на море, и подумали: «Быть несчастьем». Но промолчали. Эгисф, вы, вероятно, знаете, был любовником Клитемнестры. Прохвост, у которого уже тогда наблюдалась склонность к меланхолии. Вы, кажется, устали?

Орест. Я был долго в пути, да еще эта проклятая жара. Но я слушаю вас с интересом.

Юпитер. Агамемнон был хороший человек, но он, видите ли, совершил крупную ошибку. Он запретил публичную казнь. А жаль. Доброе повешенье – развлекает, особенно в провинции,

и несколько притупляет интерес к смерти. Здешние жители в тот день промолчали, потому что им было скучно и хотелось посмотреть на насильственную смерть. Они ничего не сказали, когда увидели своего царя у ворот города. И когда увидели, как Клитемнестра протянула ему прекрасные надушенные руки, тоже ничего не сказали. Тогда еще можно было обойтись одним словом, одним-единственным, но они промолчали, и перед мысленным взором каждого лежал величественный труп с рассеченным лицом.

Орест. А вы? Вы ничего не сказали?

Юпитер. Вы возмущены, молодой человек? Я рад; это доказывает, что вы исполнены добрых чувств. Нет, я промолчал. Я ведь нездешний, в чужие дела не лезу. Что касается жителей Аргоса, то завтра, слушая, как вопит от боли их царь во дворце, они опять ничего не сказали, они прикрыли сладострастно закатившиеся глаза, и весь город разомлел, как баба в любовном жару.

Орест. И убийца царствует. Ему выпали пятнадцать лет счастья. Я думал, что боги справедливы.

Юпитер. Тише, тише! Не спешите винить богов. Разве нужно всегда наказывать? Не лучше ли было обратить смятение на благо нравственного порядка?

Орест. Так они и поступили?

Юпитер. Они наслали мух.

Педагог. При чем тут мухи?

Юпитер. О, это символ. Сейчас я вам покажу, что они сделали. Видите эту старую мокрицу – там, вон она семенит на своих черных лапках, прижимаясь к стене; перед вами великолепный образчик фауны, кишашей в здешних щелях, черной и плоской. Я кидаюсь на насекомое, хватаю его и доставляю вам. *(Бросается на старуху, вытаскивает ее на край сцены.)* Вот моя добыча. Ну и мерзость! Эй! Чего моргаешь! Вы ведь здесь привыкли к раскаленным добела мечам солнца. Прыгает, как рыба на крючке. Скажи-ка, старая, ты, должно быть, потеряла дюжину сыновей; ты черна с головы до ног. Ну, говори, может быть, я тогда отпущу тебя. По ком ты носишь траур?

Старуха. Это костюм Аргоса.

Юпитер. Костюм Аргоса? А, понимаю. Ты носишь траур по своему царю, по своему убитому царю.

Старуха. Замолчи! Замолчи, бога ради!

Юпитер. Ты достаточно стара, ты вполне могла слышать те чудовищные крики, они неслись целое утро по улицам города. Как ты поступила тогда?

Старуха. Как я могла поступить? Мой муж работал на поле, я задвинула все засовы.

Юпитер. Да, и приоткрыла окно, чтобы лучше слышать, притаилась за занавеской, дышанье у тебя перехватывало, в животе сладко щекотало.

Старуха. Замолчи.

Юпитер. Ох и жаркая ж у вас была в ту ночь любовь! Вот праздник-то был, а?

Старуха. О! Господи... жуткий праздник.

Юпитер. Багряный праздник, вы так и не смогли похоронить память о нем.

Старуха. Господи! Вы из мертвецов?

Юпитер. Мертвец! Ступай, ступай, безумная. Не твое это дело, кто я. Подумай лучше о себе, о том, как вымолить прощенье неба покаяньем.

Старуха. О, я каюсь, господа, если бы вы знали, как я каюсь! И моя дочь тоже кается, и зять ежегодно приносит корову в жертву; и внука, которому седьмой год, мы приучили к покаянию. Он послушен, как овечка, весь беленький и уже исполнен чувства первородного греха.

Юпитер. Это хорошо. Убирайся, старая паскуда, смотри не сдохни без покаяния. В нем вся твоя надежда на спасение.

Старуха убегает.

Или я ошибаюсь, судари мои, или это пример подлинной набожности, на старинный манер, и в страхе крепость ее.

Орест. Что вы за человек?

Юпитер. Дело не во мне. Мы говорили о богах. Ну, следовало ли поразить громом Эгисфа?

Орест. Следовало... А, не знаю я, что следовало и чего не следовало, мне плевать... Я не здешний. А Эгисф кается?

Юпитер. Эгисф? Сомневаюсь. Но разве это важно? За него весь город кается. Покаянье-то берут на вес.

Жуткие вопли во дворце.

Слушайте! Чтоб они никогда не забывали криков агонии своего царя, каждую годовщину волопас, у которого самый громкий голос, вопит так в главном дворцовом зале.

Орест морщится от отвращения.

Ба, это пустяк. Поглядим, что вы скажете, когда выпустят мертвецов: Агамемнон был убит пятнадцать лет тому назад, день в день. Ах, как за это время переменялся легкомысленный народ Аргоса, как стал он близок моему сердцу!

Орест. Вашему сердцу?

Юпитер. Не обращайтесь внимания, молодой человек. Это я сам с собой. Мне следовало сказать: близок сердцу богов.

Орест. В самом деле? Стены, вымазанные кровью, мириады мух, вонь, как на бойне, духотища, пустынные улицы, запуганные тени, которые бьют себя кулаками в грудь, запершись в домах, и эти вопли, эти невыносимые вопли: так это нравится Юпитеру?

Юпитер. Ах, не судите богов, молодой человек, у них свои тайные муки.

Пауза.

Орест. У Агамемнона была, кажется, дочь? По имени Электра?

Юпитер. Да. Она живет здесь. Во дворце Эгисфа. Он перед вами.

Орест. Значит, это дворец Эгисфа? А что думает обо всем случившемся Электра?

Юпитер. Ничего, она ребенок. У него был еще сын – некий Орест. Говорят, он умер.

Орест. Умер! Проклятье...

Педагог. Ну конечно, государь мой, вам отлично известно, что он умер. Жители Навплиона говорили нам, что Эгисф приказал его убить вскоре после смерти Агамемнона.

Юпитер. Некоторые утверждали, что он остался жив. Будто бы убийцы, охваченные жалостью, покинули его в лесу. И будто его подобрала и воспитала богатые афинские буржуа. Что до меня, я желал бы ему быть мертвым.

Орест. Почему, простите?

Юпитер. Представьте себе, что в один прекрасный день он явился бы к воротам этого города...

Орест. Ну и что?

Юпитер. Послушайте, встретить я его здесь, я бы ему сказал... я бы ему сказал следующее: «Молодой человек...» Я назвал бы его «молодой человек», так как он вашего возраста примерно, если жив. Кстати, сударь, не скажете ли вы мне, как вас зовут?

Орест. Мое имя Филеб, я из Коринфа. Я путешествую с целью расширения кругозора, со мной – раб, который был моим наставником.

Юпитер. Прекрасно. Итак, я сказал бы: «Молодой человек, уходите! Что вам здесь нужно? Вы хотите предъявить свои права? Полно. Вы горячи, крепки – из вас вышел бы храбрый командир в армии, полной боевого задора. Вы найдете для себя дело получше, чем царствовать над полумертвым городом, над городом-падалью, истерзанным мухами. Здешние жители большие грешники, но они вступили на путь искупления. Оставьте их в покое, моло-

дой человек, оставьте их в покое, отнеситесь с уважением к мукам, которые они на себя приняли, уходите подобру-поздорову. Вы непричастны к преступлению и не можете разделить их покаяния. Ваша дерзкая невинность отделяет вас от них, как глубокий ров. Уходите, если вы их любите хоть немного. Уходите, иначе вы их погубите: если вы их остановите, если хоть на мгновение оторвете от угрызений совести, грехи облепят их, как застывшее сало. Совесть у них нечиста, им страшно, а запах страха, нечистой совести услаждает обонянье богов. Да, эти жалкие души богам по вкусу. Хотели бы вы лишиться их благосклонности богов? А что вы дадите взамен? Спокойное пищеварение, мирную, безрадостную провинциальную жизнь и скуку? Ах, скука – быт счастья. Счастливого пути, молодой человек, счастливого пути. Мир в обществе и мир в душе – так неустойчивы: не трогайте, а то разразится катастрофа. *(Глядит ему в глаза.)* Чудовищная катастрофа, которая обрушится на вас».

Орест. В самом деле? Так бы и сказали? Что ж, если бы этим молодым человеком был я, я ответил бы...

Меряют друг друга взглядом. Педагог покашливает.

А, пустое, не знаю, что я ответил бы. Может, вы и правы, к тому же все это меня не касается.

Юпитер. В добрый час. Хотел бы я, чтоб Орест оказался столь же рассудителен. Ну, мир вам, надо идти, у меня дела.

Орест. Мир вам.

Юпитер. Кстати, если вам мешают мухи, вот средство от них избавиться. Посмотрите на этот рой, который жужжит вокруг вас: я щелкаю пальцами, делаю жест рукой и говорю: «Абраккас, гала, гала, це, це». Глядите: они падают и расползаются по земле, как гусеницы.

Орест. Клянусь Юпитером!

Юпитер. Пустяки. Скромный светский талант. Я дрессирую мух в часы досуга. До свидания. Мы еще увидимся. *(Выходит.)*

Явление второе

Орест, Педагог.

Педагог. Берегитесь. Этот человек знает, кто вы.

Орест. Человек ли это?

Педагог. Ах, государь мой, как вы меня огорчаете! Неужели вы забыли все мои уроки, светлый скептицизм, которому я вас учил? «Человек ли это?» Да на свете нет никого, кроме людей, чтоб им пусто было. И с ними хлопот не оберешься. Этот бородач – человек, какой-нибудь шпион Эгисфа.

Орест. Оставь в покое свою философию. Она мне принесла слишком много зла.

Педагог. Зла! Значит, свобода духа наносит ущерб людям. Ах, как вы переменялись! Раньше я читал в вас, как в книге... Скажете ли вы мне наконец, что задумали? Зачем притащили меня сюда? Что вы здесь намерены предпринять?

Орест. Разве я говорил тебе, что собираюсь здесь что-либо предпринять? То-то. Молчи. *(Подходит к дворцу.)* Вот мой дворец. Здесь родился мой отец. Здесь потаскуха со своим хахалем убила его. И я тоже родился здесь. Мне шел третий год, когда Эгисфовы молодчики унесли меня. Вот из этой двери мы вышли. Один из них держал меня на руках, глаза мои были широко раскрыты, наверно, я плакал... Ничего не помню. Вижу огромное безмолвное здание, напыщенное в провинциальной торжественности. Я вижу его впервые.

Педагог. Ничего не помните, неблагодарный господин, когда я отдал десять лет жизни, чтоб наполнить вашу память? А все наши путешествия? А все города, которые мы посетили? А курс археологии, который я читал для вас одного? Ничего не помните? А раньше в вашей

памяти жило столько дворцов, святилищ и храмов, что вы могли бы, подобно географу Павзанию, составить путеводитель по Греции.

Орест. Дворцы! Это правда. Дворцы, колонны, статуи! Отчего ж я так невесом, при стольких камнях в голове? А триста восемьдесят семь ступеней эфесского храма, ты забыл? Я поднялся по ним, они все до одной у меня в памяти. Семнадцатая, кажется, была с трещиной. Ах, у пса, у старого пса, который дремлет подле очага и привстает, когда входит его господин, и тихонько повизгивает в знак приветствия, у пса больше памяти, чем у меня: он узнает СВОЕГО господина. А у меня что есть моего?

Педагог. А культура, господин? Ваша культура принадлежит вам, я подбирал ее для вас с любовью, как букет, сочетая плоды моей мудрости и сокровища моего опыта. Разве я не давал вам с детства читать все книги, чтобы приучить вас к многообразию человеческих суждений, разве не объехал с вами сто государств, подчеркивая при каждом удобном случае, сколь изменчивы людские нравы? Теперь вы молоды, богаты и красивы, сведущи, как старец, избавлены от ига тягот и верований, у вас нет ни семьи, ни родины, ни религии, ни профессии, вы свободны взять на себя любые обязательства и знаете, что никогда не следует себя ими связывать, – короче, вы человек высшей формации и вдобавок можете преподавать философию или архитектуру в большом университетском городе. И вы еще жалуетесь!

Орест. Да нет. Не могу жаловаться: ты дал мне свободу нитей, оторванных ветром от паутины и парящих высоко над землей, – я вешу не больше паутинки и плыву по воздуху. Я знаю, что мне повезло, и ценю это. *(Пауза.)* Есть люди, связанные обязательствами от рождения: у них нет выбора – путь их однажды предначертан, в конце пути каждого из них ждет поступок, ЕГО поступок; они шагают, босые ноги с силой попирают землю, в кровь сбивая ступни. Знать, КУДА идешь: по-твоему, радоваться этому вульгарно? А есть другие: они молчаливы, душа их подвластна смутным, земным образам; вся жизнь таких людей определилась тем, что однажды, в детстве, когда им было лет пять или семь... Да ладно, они ведь не высшей формации. А я уже в семь лет сознавал себя изгнанником. Запахи и звуки, шум дождя по крыше, дрожание света, – все скользило по мне, скатывалось по моему телу – я не пытался ничего ухватить, я знал уже, что все это принадлежит другим, никогда не станет МОИМ воспоминанием. Плотная пища воспоминаний предназначена тем, кто обладает домами, скотом, слугами и пашнями. А я... Я, слава богу, свободен. Ах, до чего же я свободен! Моя душа – великолепная пустота. *(Подходит к дворцу.)* Я жил бы здесь. Я не прочел бы ни одной из твоих книг. Возможно, я и вообще не знал бы грамоты: царевичи редко умеют читать. Но я бы десять тысяч раз вошел и вышел через эту дверь. В детстве я катался бы на ее створках, я бы в них упирался, а они скрипели бы, сопротивляясь нажиму, мои руки познали бы их неуступчивость. Позднее я открывал бы эту дверь по ночам, тайком, торопясь на свидание. А еще позднее, в день моего совершеннолетия, рабы растворили бы ее настежь и я верхом въехал бы во дворец, переступив через этот порог. Моя старая деревянная дверь. Я умел бы отпирать тебя с закрытыми глазами. А эта щербинка там, внизу, ведь это я мог по неловкости оцарапать тебя в первый день, когда мне позволили взять копье. *(Отходит.)* Ранний дорический стиль, не так ли? А что ты скажешь об этих золотых инкрустациях? Я видел похожие в Додоне: прекрасная работа. Что ж: доставлю тебе удовольствие – это не МОЙ дворец, не МОЯ дверь. И нам здесь нечего делать.

Педагог. Наконец-то разумные слова. Что б вы выиграли, живя здесь? Ваша душа была бы теперь затравлена гнусным раскаянием.

Орест *(горячо)*. Во всяком случае, она принадлежала бы мне, эта душа. И этот жар, от которого рыжеют мои волосы, тоже принадлежал бы мне. Мне – жужжанье этих мух. В этот час, укрывшись в одной из сумрачных комнат дворца, я, обнаженный, глядел бы сквозь щель между ставен на раскаленный докрасна свет и ждал бы, когда солнце станет клониться к закату и поднимется от земли, подобно свежему дыханию, прохладная вечерняя тень Аргоса, похо-

жая на тысячи других и вечно новая, тень вечера, который принадлежит мне. Пошли отсюда, педагог. Разве ты не видишь, что мы разлагаемся на чужом солнцепеке?

Педагог. Ах, сударь, как вы меня успокоили! Последние месяцы, если быть точным, с минуты, когда я раскрыл вам ваше происхождение, – я наблюдал, как вы меняетесь день ото дня, и просто лишился сна. Я боялся...

Орест. Чего?

Педагог. Вы рассердитесь.

Орест. Нет. Говори.

Педагог. Я боялся... Как вы ни натренированы с молодых ногтей в скептической иронии, вам иногда взбредают дурацкие идеи – короче, я спрашивал себя, не задумали ли вы прогнать Эгисфа и занять его место.

Орест (*медленно*). Прогнать Эгисфа! (*Пауза.*) Можешь быть спокоен, старик, слишком поздно. Не то чтоб я не испытывал желания схватить за бороду этого растреклятого прохвоста и сдернуть его с отцовского трона. Но что дальше? Что мне делать с этими людьми? Ни один ребенок не родился при мне, ни одна девушка не сыграла свадьбы, я не разделяю их угрызений совести и не знаю никого по имени. Бородач прав: у царя должны быть те же воспоминания, что и у подданных. Оставим их в покое, старик. Уйдем отсюда потихоньку. Понимаешь, если бы я мог совершить какой-нибудь поступок – поступок, который дал бы мне права гражданства среди них... Если бы я мог овладеть, пусть даже совершив преступление, их воспоминаниями, их страхом и надеждами, чтоб заполнить пустоту моего сердца. Ради этого я убил бы родную мать...

Педагог. Сударь!

Орест. Да. Это грезы. Пошли. Узнай, можно ли достать лошадей, мы отправимся в Спарту, у меня там друзья.

Входит Электра.

Явление третье

Те же, Электра.

Электра (*не замечая их, подходит к статуе Юпитера, в руках у нее ящик*). Паскуда! Можешь пялить на меня сколько хочешь свои бельма, не испугаешь, не боюсь твоей хари, размалеванной малиновым соком. Ну что, приходили поутру твои святые женщины? Елозили своими черными подолами? Топали грубыми башмаками? Вот уж ты был доволен, пугало, а? Ты их любишь, старух. Чем больше они смахивают на мертвецов, тем милей тебе. Они оросили землю у твоих ног своим лучшим вином – ведь сегодня праздник, от их юбок разлило плесенью: у тебя до сих пор щекочет в носу от этого сладостного аромата. (*Трется о статую.*) А ну-ка, понюхай теперь, какой дух идет от меня, я пахну свежим телом. Я молода, я – живу! Тебя должно от этого воротить. Я тоже пришла с жертвоприношением, пока весь город погружен в молитву. Держи: вот очистки и пепел очага, и протухшие обрезки мяса, кишачие червями, и кусок заплесневелого хлеба – от него отказались даже наши свиньи – твоим мухам все это придется по вкусу. Счастливого праздника, эй, счастливого праздника, да будет он последним. Я слаба, мне не повалить тебя на землю. Я могу только плюнуть тебе в морду. Это все, на что я способна. Но он еще придет, тот, кого я жду, со своим большим мечом. Он поглядит на тебя и расхохочется – вот так, уперев руки в бока и откинув голову. А потом выхватит свой клинок и рассечет тебя сверху донизу – хрясь! И тогда две половинки Юпитера покатаются – одна влево, другая вправо, – и все увидят, что он деревянный. Просто белый деревянный чурбан – этот бог мертвецов. А ужас и кровь на лице, и прозелень вокруг глаз – всего лишь краска, не правда ли? Ты-то знаешь, что внутри весь белый-белый, как тело новорожденного, ты прекрасно знаешь,

что удар клинка рассечет тебя пополам, и даже капли крови не выступит. Деревяшка! Деревяшка! Просто печное полено! (*Замечает Ореста.*) Ах!

Орест. Не бойся.

Электра. Я не боюсь. Ничуть не боюсь. Кто ты?

Орест. Чужеземец.

Электра. Добро пожаловать. Все, что чуждо этому городу, мне дорого. Как твое имя?

Орест. Меня зовут Филеб. Я из Коринфа.

Электра. Да? Из Коринфа? А меня зовут Электра.

Орест. Электра. (*Педагогу.*) Оставь нас.

Педагог уходит.

Явление четвертое

Орест, Электра.

Электра. Почему ты так смотришь на меня?

Орест. Ты красива. Ты не похожа на здешних жителей.

Электра. Красива? Ты уверен, что я красива? Так же красива, как девушки в Коринфе?

Орест. Да.

Электра. Здесь мне не говорят этого. Не хотят, чтоб я знала. Впрочем, мне и ни к чему, я всего лишь служанка.

Орест. Служанка? Ты?

Электра. Последняя из служанок. Я стираю простыни царя и царицы. Очень грязные простыни, перепачканные всякой дрянью. И нижнее белье, сорочки, прикрывавшие их паршивые тела, рубашку, которую Клитемнестра надевает, когда царь делит ее ложе: мне приходится стирать все это. Я закрываю глаза и тру изо всех сил. И посуду мою я. Не веришь? Посмотри на мои руки. Сильно они огрубели и растрескались? Как странно ты глядишь. Может, у царевен такие руки?

Орест. Бедные руки. Нет, у царевен не такие руки. Но продолжай. Что еще тебя заставляют делать?

Электра. Ну, по утрам я должна выносить помои. Я вытаскиваю из дворца этот ящик и... ты видел, что я делаю с помоями. Этот деревянный идол – Юпитер, бог смерти и мух. Позавчера верховный жрец, который явился отбивать свои поклоны, поскользнулся на капустных кочерыжках, очистках репы и устричных раковинах – он чуть не спятил. Скажи, ты не выдашь меня?

Орест. Нет.

Электра. Можешь выдать, если хочешь, мне плевать. Что они могут мне сделать? Побить? Они уже били меня. Запереть в большую башню, под самую крышу? Неплохая мысль, я избавилась бы от их лицемерия. По вечерам, вообрази, когда я заканчиваю всю работу, они меня вознаграждают: я должна подойти к высокой толстой женщине с крашеными волосами. Губы у нее жирные, а руки белые-пребелые, белые руки царицы, пахнущие медом. Она кладет руки мне на плечи, прижимает губы к моему лбу и говорит: «Спокойной ночи, Электра». Каждый вечер. Каждый вечер я ощущаю кожей жизнь этого жаркого и прожорливого тела. Но я держусь, мне ни разу не стало дурно. Понимаешь, это моя мать. А если я окажусь в башне, она не станет меня целовать.

Орест. А убежать ты никогда не думала?

Электра. На это у меня не хватило бы храбрости: мне было бы страшно – одной, на дороге.

Орест. У тебя нет подруги, которая могла бы сопровождать тебя?

Электра. Нет. Я одна. Я – чума, холера: здешние жители скажут тебе это. У меня нет подруг.

Орест. Даже кормилицы нет? Какой-нибудь старой женщины, которая знает тебя с рождения и немного привязана к тебе?

Электра. Никого у меня нет. Спроси у моей матери: я способна отвратить самое нежное сердце.

Орест. И ты проведешь здесь всю жизнь?

Электра (*на крике*). Нет! Не всю жизнь! Только не это! Послушай, я чего-то жду.

Орест. Чего-то или кого-то?

Электра. Не скажу. Говори лучше ты. Ты тоже красивый. Ты надолго сюда?

Орест. Я должен был уехать сегодня же. Но теперь...

Электра. Теперь?

Орест. Сам не знаю.

Электра. А Коринф – красивый город?

Орест. Очень.

Электра. Ты любишь его? Ты им гордишься?

Орест. Да.

Электра. Это так странно для меня – гордиться родным городом. Объясни мне.

Орест. Ну... не знаю. Не могу объяснить.

Электра. Не можешь объяснить? (*После паузы.*) Правда, что в Коринфе есть тенистые площади? Площади, где по вечерам гуляют?

Орест. Правда.

Электра. И никто не сидит дома? Все гуляют?

Орест. Все.

Электра. Парни с девушками?

Орест. Парни с девушками.

Электра. И они всегда находят о чем говорить друг с другом? И им хорошо вместе? И их смех слышен допоздна?

Орест. Да.

Электра. Я кажусь тебе дурочкой? Мне просто трудно представить себе прогулки, песни, улыбки. Здешние жители снедаемы страхом, а я...

Орест. А ты?

Электра. Ненавистью. Чем же они занимаются весь день, девушки в Коринфе?

Орест. Наряжаются, поют, играют на лютне, ходят в гости к подругам, а по вечерам танцуют.

Электра. У них нет никаких забот?

Орест. Есть, но совсем ничтожные.

Электра. Да? Послушай: угрызения совести есть у жителей Коринфа?

Орест. Порой. Не часто.

Электра. Значит, они делают что хотят и потом не думают больше об этом?

Орест. Именно так.

Электра. Удивительно. (*Пауза.*) Скажи мне вот еще что, мне необходимо это знать из-за одного человека... из-за одного человека, которого я жду; представь такое: один из коринфских парней, из тех, что по вечерам смеются с девушками, вернувшись из путешествия, находит своего отца убитым, мать – в постели убийцы, сестру – в рабстве. Что ж он, смоемся, пятась задом и отвешивая поклоны? Отправится искать утешения у друзей? Или он выхватит меч и будет драться с убийцей, пока не рассечет ему голову? Ты не отвечаешь?

Орест. Я не знаю.

Электра. Как? Не знаешь?

Голос Клитемнестры: «Электра!»

Тшш...

Орест. Что такое?

Электра. Моя мать, царица Клитемнестра.

Явление пятое

Орест, Электра, Клитемнестра.

Электра. Ну, Филеб? Ты что, боишься ее?

Орест. Это лицо... Я столько раз пытался представить его себе, что, казалось, ВИДЕЛ: усталое, дряблое под кричащими красками косметики. Но этот мертвый взгляд, его я не ожидал.

Клитемнестра. Электра, царь велит тебе подготовиться к церемонии. Надень черное платье и драгоценности. Ну? Чего ты в землю уставишься? Ты прижимаешь локти к худым бокам, твое тело тебе мешает... Ты часто держишься так при мне, но меня не проведешь обезьяньими ужимками: я только что из окна видела другую Электру – движения свободны, глаза горят... Будешь ты смотреть мне в лицо? Ответишь ты мне наконец?

Электра. Вам нужна замарашка, чтобы подчеркнуть великолепие вашего праздника?

Клитемнестра. Прекрати комедию. Ты – царица, Электра, и народ ждет тебя, как каждый год.

Электра. Я – царица? Правда? И вы вспоминаете об этом раз в год, когда в воспитательных целях необходимо показать народу картину нашего семейного счастья? Прекрасная царица, которая моет посуду и сторожит свиней! И Эгисф, как в прошлом году, нежно положит мне руку на плечи и будет улыбаться, прижимаясь к моей щеке и шепча мне на ухо угрозы?

Клитемнестра. Только от тебя зависит, чтоб было по-другому.

Электра. Да, если я поддамся заразе ваших угрызений совести и стану вымаливать прощение богов за преступление, которого не совершала. Да, если я стану целовать руки Эгисфа, называя его отцом. Фу, гадость! У него под ногтями засохшая кровь.

Клитемнестра. Поступай как знаешь. Я уже давно отказалась приказывать тебе от собственного имени. Я передала тебе повеление царя.

Электра. Что мне приказы Эгисфа? Это ваш муж, мать моя, ваш драгоценный муж, ваш, а не мой.

Клитемнестра. Мне нечего тебе сказать, Электра. Ты делаешь все, что только можешь, себе и нам на погибель. Но как мне, в одно утро загубившей собственную жизнь, как мне давать тебе советы? Ты ненавидишь меня, дитя мое, но меня больше волнует другое – ты похожа на меня: и у меня были те же заостренные черты, та же беспокойная кровь и скрытный взгляд. Ничего хорошего из этого не вышло.

Электра. Не хочу походить на тебя! Скажи, Филеб, – ты видишь нас обеих, рядом, – ведь это неправда, я ведь не похожа на нее?

Орест. Что сказать тебе? Ее лицо как поле, разоренное молнией и градом. Но и в твоём есть нечто, обещающее бурю: в один прекрасный день страсть сожжет тебя до костей.

Электра. Обещающее бурю? Пусть так. На такое сходство я согласна. Да сбудутся твои слова.

Клитемнестра. А ты? Ты, разглядывающий людей, кто ты? Дай-ка теперь я посмотрю на тебя. Зачем ты здесь?

Электра (*поспешно*). Это коринфянин по имени Филеб, он путешествует.

Клитемнестра. Филеб? А!

Электра. Вы, кажется, боялись другого имени.

Клитемнестра. Боялась? Одного я достигла, погубив себя, – теперь мне ничто не страшно. Приблизься, чужеземец, и добро пожаловать. Как ты молод. Сколько же тебе лет?

Орест. Восемнадцать.

Клитемнестра. Твои родители еще живы?

Орест. Отец умер.

Клитемнестра. А мать? Она, должно быть, моего возраста? Молчишь? Тебе, наверно, кажется, что она моложе: она еще не разучилась смеяться и петь вместе с тобой. Ты ее любишь? Отвечай же! Почему ты покинул ее?

Орест. Хочу завербоваться в наемные войска, в Спарте.

Клитемнестра. Путешественники, как правило, объезжают наш город за двадцать верст. Тебя не предупредили? Жители равнины подвергли нас карантину: для них наше покаяние – чума, они боятся заразы.

Орест. Это мне известно.

Клитемнестра. Тебе сказали, что мы вот уж пятнадцать лет гнемся под бременем неискупимого преступления?

Орест. Сказали.

Клитемнестра. Что виновней всех Клитемнестра? Что самое имя ее проклято?

Орест. Сказали.

Клитемнестра. И ты все же пришел? Чужеземец, я – царица Клитемнестра...

Электра. Не размякай, Филеб. Царица развлекается нашей национальной игрой: игрой в публичную исповедь. Здесь каждый кричит всем в лицо о своих грехах. Нередко, в праздничные дни, какой-нибудь торговец, опустив железную штору своей лавки, ползет по улице на коленях, посыпает голову пылью и вопит, что он убийца, прелюбодей и изменник. Но жители Аргоса пресыщены: все наизусть знают преступления всех. Преступления же царицы и вовсе никого не забавляют – это преступления официальные, лежащие, можно сказать, в основе государственного устройства. Вообрази ее радость, когда она увидела тебя – молодого, новенького, не знающего ничего – даже ее имени: какой исключительный случай! Ей кажется, что она исповедуется впервые.

Клитемнестра. Замолчи. Любой может плюнуть мне в лицо, называя меня преступницей и проституткой. Но никто не имеет права касаться моих угрызений совести.

Электра. Видишь, Филеб, таковы правила игры. Люди станут молить, чтобы ты осудил их. Но будь осторожен – суди их только за ошибки, в которых они тебе признались: остальное никого не касается, они не поблагодарят тебя, если ты обнаружишь что-нибудь сам.

Клитемнестра. Пятнадцать лет назад я была самой красивой женщиной Греции. Взгляни на мое лицо и суди о том, сколько я выстрадала. Я ничего не приукрашиваю! Я сожалею не о смерти старого козла! Когда я увидела его в ванне истекающим кровью, я запела от счастья, я в пляс пустилась. И сейчас еще, спустя пятнадцать лет, как вспомню, так всю радость и ожжет. Но у меня был сын – ему бы сейчас минуло столько же, сколько тебе. Когда Эгисф отдал его наемникам, я...

Электра. У вас была, кажется, еще дочь, мать моя. Вы превратили ее в судомойку. Но эта вина не очень-то вас мучает.

Клитемнестра. Ты молода, Электра. Тому, кто молод и не успел содейть зла, ничего не стоит осудить других. Но погоди: однажды и ты повлечешь за собой следом непоправимое преступление. Ты шагнешь и подумаешь, что оставила его позади, но бремя его будет все так же тягостно. Ты оглянешься: оно следует за тобой – недосягаемое, мрачное, чистое, как черный кристалл. Ты перестанешь его понимать, скажешь: «Да это не я, не я совершила его». А оно все будет с тобой, стократ отринутое и неотторжимое, оно будет тянуть тебя назад. И ты поймешь наконец, что жребий брошен, раз и навсегда, что не остается ничего иного, как владеть преступлением до самой смерти. Таков закон покаяния – справедливый и несправедливый. Посмотрим, во что тогда превратится твоя юная гордыня.

Электра. Моя юная гордыня? Вы скорбите о своей молодости больше, чем о преступлении, вы ненавидите мою молодость больше, чем мою невинность.

Клитемнестра. Я ненавижу в тебе себя самое. Не твою молодость – о нет, – мою собственную.

Электра. А я ненавижу вас, именно вас.

Клитемнестра. Позор. Мы ругаемся, как две ровесницы, как соперницы. А ведь я мать тебе. Не знаю – ни кто ты, молодой человек, ни зачем к нам пожаловал, но твое присутствие вредно. Электра меня ненавидит, я знаю. Но пятнадцать лет мы хранили молчание, нас выдавали только взгляды. Ты пришел, заговорил с нами – и вот мы оскалили клыки и огрызаемся, как суки. Законы города велят оказать тебе гостеприимство, но, не скрою, я хотела бы, чтобы ты ушел. Ну а ты, дитя мое, мой слишком верный образ, я не люблю тебя, это правда. Однако я скорее дам отсечь себе правую руку, чем причиню тебе вред. Ты отлично это знаешь и злоупотребляешь моей слабостью. Но против Эгисфа не советую поднимать твою ядовитую головку: он перешибает хребет гадюке одним ударом палки. Послушайся меня: не выходи из подчинения, или тебе достанется.

Электра. Можете ответить царю, что я на праздник не пойду. Знаешь, что они делают, Филеб? Неподалеку от города есть пещера, нашим юношам никогда не удавалось добраться до ее дна, говорят, она сообщается с адом. Верховный жрец велел завалить вход в нее большим камнем. Так вот, поверишь ли, в каждую годовщину народ собирается перед этой пещерой, солдаты отваливают в сторону камень, и наши мертвецы, как говорят, поднимаются из ада и расходятся по городу. Им ставят на стол приборы, пододвигают стулья, готовят постели и садятся теснее, чтобы освободить им место на вечере. Они повсюду, все только для них. Можешь представить себе вопли живых: «Мой дорогой покойничек, мой дорогой покойничек, я не хотел тебя обидеть, прости меня». На следующее утро, только петух пропоет, они вернутся под землю, вход в грот завалят камнем, и все будет кончено до следующего года. Не желаю принимать участия в дурацких ребячествах. Это их мертвецы, не мои.

Клитемнестра. Не подчинишься добровольно, царь приказал привести тебя силой.

Электра. Силой?.. Ха, ха! Силой? Это мило. Моя добрая матушка, будьте любезны, заверьте царя в моей совершенной покорности. Я появлюсь на празднестве, и коль скоро народ хочет меня видеть, он не будет обманут в своих ожиданиях. А ты, Филеб, прошу тебя, отложи отъезд, погляди на наш праздник. Может, тебе представится случай позабавиться. До скорого свидания, я пошла одеваться. (*Уходит.*)

Клитемнестра (*Оресту*). Уезжай. Я уверена, что ты принесешь нам несчастье. Ты не можешь быть на нас в обиде, мы тебе ничего не сделали. Уезжай. Умоляю тебя именем твоей матери, уезжай... (*Уходит.*)

Орест. Именем моей матери...

Входит Юпитер.

Явление шестое

Орест, Юпитер.

Юпитер. Ваш слуга сказал мне, что вы уезжаете. Он тщетно ищет по всему городу лошадей. Я мог бы вам достать двух кобыл с полной сбруей за умеренную цену.

Орест. Я раздумал ехать.

Юпитер. Вы раздумали ехать. (*Пауза. Живо.*) В таком случае я с вами не расстанусь, вы мой гость. В нижнем городе есть довольно приличная гостиница, где мы оба остановимся. Вы не пожалеете, избрав меня компаньоном. Прежде всего – абраксас, гала, гала, це, це – я вас избавлю от мух. Затем, человек моего возраста может иногда дать добрый совет: я ведь вам в отцы гожусь. Вы расскажете мне о себе. Пошли, молодой человек, доверьтесь мне: такие встречи иногда оказываются куда полезнее, чем думаешь сначала. Возьмите, к примеру, Телемака – вы знаете – сына царя Одиссея. В один прекрасный день он встретил пожилого госпо-

дина по имени Ментор, который связал свою судьбу с его судьбой и следовал за ним повсюду. Так вот, известно ли вам, кто был этот Ментор? *(Увлекает его за собой, продолжая говорить.)*
Занавес.

Акт второй

Картина первая

Площадка в горах. Направо – пещера. Вход завален большим черным камнем. Налево – ступени, ведущие в храм.

Явление первое

Толпа, потом Юпитер, Орест и Педагог.

Женщина (*опускается на колени перед мальчиком*). Ну что с твоим галстуком? Третий раз перевязываю узел. (*Чистит его рукой.*) Ну вот. Теперь ты чистый. Будь пайнкой и плачь со всеми, когда тебе скажут.

Мальчик. Они должны прийти оттуда?

Женщина. Да.

Мальчик. Я боюсь.

Женщина. Нужно бояться, миленький. Очень, очень бояться. Тогда станешь порядочным человеком.

Мужчина. Повезло им сегодня с погодой.

Другой. И то счастье! Надо полагать, они еще чувствительны к солнечному теплу. В прошлом году шел дождь, и они были... чудовищны.

Первый. Чудовищны.

Второй. Увы!

Третий. Когда они уберутся обратно в свою дыру и оставят нас в покое, живых с живыми, я вскарабкаюсь наверх, погляжу на этот камень и скажу себе: «Слава богу, на год с этим покончено».

Четвертый. Да? А мне от этого не легче. Я с завтрашнего дня начну думать: «Каковы-то они явятся в будущем году?» Год от году они все свирепеют.

Второй. Замолчи, несчастный. Вдруг один из них уже пролез через какую-нибудь расщелину и бродит среди нас... Есть мертвецы, которые являются на свидание заранее.

Обмениваются беспокойными взглядами.

Молодая женщина. Хоть бы скорее начинали. Что они там думают, во дворце? Им-то спешить некуда. А по мне, нет ничего хуже ожидания: стоишь здесь, переступаешь с ноги на ногу под раскаленным небом и не можешь взгляда оторвать от этого черного камня. Брр... А они там, за камнем; и тоже ждут, как мы, и радуются, думая о зле, которое причинят нам...

Старуха. Ладно, шлюха! Эта известно, чего трусит. Она десять лет наставляла рога мужу, который умер этой весной...

Молодая женщина. Ну и что, да, я и не отрицаю, я ему изменяла вдоволь, но я его любила и старалась, чтоб ему было хорошо. Он ни о чем не подозревал и умер, глядя на меня добрыми глазами благодарной собаки. А теперь ему все известно, испортили ему удовольствие – он и меня ненавидит, и сам страдает. Сейчас обнимет меня, его бесплотное тело прижмется ко мне крепче, чем прижимался когда-нибудь живой человек. Ох! Я поведу его домой, он повиснет на моей шее, как горжетка. Я приготовила ему вкусные блюда, пирожки, закуску – все, как он любил. Но его ничем не смягчить. А в эту ночь... в эту ночь он ляжет в мою постель.

Мужчина. Она права, пошли они все... Где там Эгисф? О чем он думает? Я не в силах больше ждать.

Другой. И ты еще жалуешься! Думаешь, Эгисф трусит меньше нас? Может, ты хочешь поменяться с ним местами и провести с Агамемноном сутки с глазу на глаз?

Молодая женщина. Жуткое, жуткое ожидание. Мне кажется, что вы все куда-то уходите от меня. Камень еще на месте, а каждый уже во власти своих мертвецов, каждый одинок, как капля дождя.

Входят Юпитер, Орест и Педагог.

Юпитер. Иди сюда, отсюда нам будет лучше видно.

Орест. Так вот они – граждане Аргоса, верноподданные царя Агамемнона?

Педагог. До чего уродливы! Взгляните, государь мой, на эти землистые лица, ввалившиеся глаза. Эти люди подымают от страха. Таковы плоды суеверий. Смотрите на них, смотрите. И если вы еще нуждаетесь в доказательствах того, что моя философия великолепна, обратите затем внимание на мой цветущий вид.

Юпитер. Великая заслуга – цветущий вид. Оттого что на щеках твоих цветут маки, мой милый, ты в глазах Юпитера не перестаешь быть тем же гноищем, что и все остальные. От тебя так и несет, а ты не чуешь. У них же носы полны собственной вонью, они себя лучше знают, чем ты.

Толпа ворчит.

Мужчина (*обращается к толпе со ступеней храма*). Что они, с ума решили нас свести, что ли? Люди, давайте объединимся и хором взовем к Эгисфу: мы не можем больше терпеть, чтоб он откладывал церемонию.

Толпа. Эгисф! Эгисф! Сжался!

Женщина. Сжался! Сжался! А надо мной кто сжалится? Вот он явится с разверстой грудью, этот человек, этот ненавистный, он заключит меня в свои невидимые, липкие объятия, и всю ночь, всю ночь он будет моим любовником. А-а! (*Падает в обморок.*)

Орест. Какое безумие! Надо сказать этим людям...

Юпитер. Полно, молодой человек, столько шуму из-за одной бабы, потерявшей сознание! Вы еще не то увидите.

Мужчина (*бросается на колени*). Я воняю, воняю! Я мерзкая падаль! Смотрите, мухи облепили меня, как вороны. Клюйте, буравьте, сверлите, мухи-мстительницы, рвите мою плоть, добирайтесь до моего поганого сердца. Я грешен, тысячекрат грешен, я – сосуд смердящий, я сточная яма...

Юпитер. Молодец!

Мужчина (*поднимая его*). Ладно, ладно. Скажешь все это потом, когда они явятся.

Мужчина тяжело дышит, вид у него очумелый, глаза вытаращены.

Толпа. Эгисф! Эгисф! Сжался, прикажи, чтоб начинали, у нас больше нет сил.

На ступеньках храма появляется Эгисф. За ним Клитемнестра и Верховный жрец, стражи.

Явление второе

Те же, Эгисф, Клитемнестра, Верховный жрец, стражи.

Эгисф. Собаки! Вы смеете еще жаловаться! Или вы забыли, сколь гнусны? Клянусь Юпитером, я освежу вам память. (*Поворачивается к Клитемнестре.*) Придется начинать без нее. Но это не пройдет ей даром. Я ее накажу по всей строгости.

Клитемнестра. Она обещала мне быть послушной. Я уверена, что она одевается. Крутится, вероятно, перед зеркалом.

Эгисф (*стражам*). Найти во дворце Электру, и чтоб она была здесь, добром или силой! Стражи выходят.

(Обращаясь к толпе). По местам. Мужчины справа от меня. Дети и женщины – слева. Хорошо.

Молчание. Эгисф ждет.

Верховный жрец. Эти люди не в силах больше ждать.

Эгисф. Знаю. Если стражи...

Стражи возвращаются.

Страж. Государь, мы искали царевну. Но дворец пуст.

Эгисф. Хорошо. Мы займемся этим завтра. (*Верховному жрецу.*) Начинай.

Верховный жрец. Отвалите камень.

Толпа. А-а!

Стражи отваливают камень.

Верховный жрец приближается к входу в пещеру.

Верховный жрец. О вы – забытые, покинутые, отчаявшиеся, – вы, стелющиеся по земле, во мраке, как дым из трещин вулкана, вы, не владеющие ничем, кроме жгучей досады, вы – мертвецы, восстаньте, сегодня ваш праздник! Придите! Вырвитесь из-под земли, как клубы серы, гонимые ветром. Вырвитесь из чрева мира, о мертвецы, мертвые стократ, вы – кого каждое биение наших сердец умерщвляет наново. Взываю к вам именем гнева и горечи и духа мести, придите, утолите вашу ненависть, обрушьте на живых! Придите, расползйтесь густым туманом по нашим улицам, втиснитесь плотным строем между матерью и сыном, отделите влюбленного от его возлюбленной, заставьте нас пожалеть о том, что мы еще не умерли! Восстаньте, вампиры, упыри, привидения и гарпии, все ужасы наших ночей. Восстаньте, солдаты, испутившие дух, богохульствуя, восстаньте, неудачники, униженные, восстаньте, умершие от голода с проклятьем на устах. Глядите – вот они – живые, жирная живая добыча! Восстаньте, обрушьте на них, как вихрь, грызите их до костей! Восстаньте! Восстаньте! Восстаньте!..

Звуки тамтама. Он пляшет перед входом в пещеру, сначала медленно, потом все убыстряя темп, пока не падает в изнеможении.

Эгисф. Они здесь!

Толпа. Ужас!

Орест. Это уж слишком, я...

Юпитер. Посмотри на меня, молодой человек, посмотри мне в лицо – в глаза! В глаза! Ты понял. Теперь молчи.

Орест. Кто вы?

Юпитер. Ты узнаешь это позднее.

Эгисф медленно спускается по ступеням храма.

Эгисф. Они здесь.

Молчание.

Он здесь, Ариция, – твой обманутый супруг. Он здесь, он прижался к тебе, он тебя целует. Как он тебя стиснул, как он тебя любит, как ненавидит! Она здесь, Несий, она – здесь, твоя мать, умершая, потому что ты не заботился о ней. А ты, Сегест, гнусный ростовщик, вот они – все твои несчастные должники, и те, что умерли в нищете, и те, что повесились, разоренные тобой. Они здесь, сегодня они твои кредиторы. А вы, родители, нежные родители, опустите-ка немного взоры, ниже, к самой земле; они здесь, мертвые дети, они тянутся к вам своими ручонками; и все радости, в которых вы им отказали, все, чем вы их мучили, точно свинец, прижимает к земле их крохотные души, злопамятные и страдавшие.

Толпа. Сжальтесь!

Эгисф. А! Сжальтесь! Или вы не знаете, что мертвецы лишены жалости? Вы у них в неоплатном долгу, потому что под их счетом черта подведена навеки. Или ты думаешь, Несий, что добрыми делами можно загладить зло, которое ты причинил матери? Но какое доброе дело может ее тронуть? Душа ее как знойный полдень, ни дуновения ветерка, все недвижно, неиз-

менно, безжизненно, – ее пожирает вечное солнце, огромное, сухое, остановившееся солнце. Мертвецы ушли навсегда – поймите всю неумолимость этого слова – они ушли навсегда и поэтому хранят, как неподкупные стражи, ваши преступления.

Толпа. Сжальтесь!

Эгисф. Сжальтесь? Ах вы, жалкие комедианты, сегодня у вас есть публика. Чувствуете ли вы на своих лицах, на своих руках взгляды миллионов замерших глаз, в которых угасла надежда? Они нас видят – мы обнажены перед судилищем мертвецов. Х-ха! Вот и попались: этот невидимый прозрачный взгляд жжет вас, он необратимей самой памяти о взгляде.

Толпа. Сжальтесь!

Мужчины. Простите нам, что мы живы, когда вы мертвы.

Женщины. Сжальтесь! Мы живем в кругу ваших лиц, ваших вещей, мы никогда не снимаем траура по вас, мы оплакиваем вас от зари до заката и от заката до зари. Все тщетно, память о вас изнашивается, утекает меж пальцев; с каждым днем она немного тускнеет, а вина наша растет. Вы покидаете нас, вы покидаете нас, источаясь, как кровь из тела. Но если это может утешить ваши раздраженные души, знайте, дорогие усопшие, что вы нам испортили жизнь.

Толпа. Сжальтесь!

Мужчины. Простите нам, что мы живы, когда вы мертвы.

Женщины. Сжальтесь! Мы ведь родились не по собственной воле, нам стыдно, что мы взрослеем. Чем могли мы вас оскорбить? Взгляните – жизнь чуть теплится в нас, мы худы, бледны, низкорослы. Мы – бесшумны, мы – едва скользим по земле. И мы боимся вас! О, как мы вас боимся!

Мужчины. Простите нам, что мы живы, когда вы мертвы.

Эгисф. Тише! Тише! Если вы будете так плакаться, что останется мне, вашему царю? Настал час моей пытки: земля дрожит, воздух помутился – грядет самый великий из мертвецов – тот, кого я убил своей рукой, – Агамемнон.

Орест (*выхватывая меч*). Прохвост! Не смей поминать имени моего отца в своем балагане!

Юпитер (*обхватив его и сдерживая*). Остановитесь, молодой человек, остановитесь!

Эгисф (*оборачиваясь*). Кто посмел?

На ступенях храма появляется Электра в белом платье.

(*Замечает ее.*) Электра!

Толпа. Электра!

Явление третье

Те же, Электра.

Эгисф. Электра, что это за наряд? Отвечай.

Электра. Я надела самое красивое платье. Разве сегодня не праздник?

Верховный жрец. Ты что, пришла дразнить мертвых? Это их праздник, тебе отлично известно. Ты должна быть в трауре.

Электра. В трауре? Почему в трауре? Я не боюсь моих мертвых, а до ваших мне дела нет!

Эгисф. Ты права: у нас разные мертвецы. Поглядите-ка на эту расфуфыренную шлюху – это внучка Атрея, Атрея, который подло зарезал собственных племянников. Последний отпрыск проклятого рода – вот ты кто! Я из жалости терпел тебя в своем дворце, но сегодня я каюсь в этом – в твоих жилах течет старая дурная кровь Атридов, ты заразишь всех нас, если я не приму меры. Подожди немного, сука, ты увидишь, умею ли я наказывать. У тебя слез не хватит, чтоб наплакаться.

Толпа. Кошунство!

Эгисф. Слышишь, несчастная, как шумит народ, оскорбленный тобой, слышишь, в чем упрекают тебя? Не будь здесь меня, не сдерживай я гнев народа, тебя бы растерзали на клочки. Толпа. Кошунство!

Электра. Разве быть веселой – кошунство? А почему они не веселы? Кто им мешает?

Эгисф. Она смеется, а здесь ее мертвый отец с запекшейся кровью на лице...

Электра. Как вы смеете говорить об Агамемноне? Откуда вам известно, что по ночам он не приникает к моему уху? Откуда вам известно, какие слова любви и сожаления он шепчет мне своим хриплым, сорванным голосом? Я смеюсь, это правда. Смеюсь впервые в жизни. Я счастлива. Скажете, мое счастье не радует отцовского сердца? Ах, если он в самом деле здесь, если он видит дочь в белом платье – ту самую дочь, которую вы превратили в мерзкую рабыню, если он видит, что голова ее высоко поднята, гордость не сломлена, – я уверена, он не проклинает меня, его глаза сверкают на истерзанном лице, его окровавленные губы трогают улыбка.

Молодая женщина. А если она говорит правду?

Голоса. Да нет, она лжет, она сошла с ума. Электра, уходи, бога ради, твое святотатство падет на наши головы.

Электра. Чего вы боитесь? Я гляжу вокруг и не вижу ничего, кроме ваших собственных теней. Послушайте, что я узнала – вам это, может быть, неизвестно: в Греции есть счастливые города. Светлые, спокойные города, которые греются на солнце, как ящерицы. Вот сейчас – под этим самым небом – на площадях Коринфа играют дети. И матери не просят прощения за то, что произвели их на свет. Они глядят на детей улыбаясь, они ими гордятся. О матери Аргоса, понимаете ли вы это? Способны ли вы еще понять гордость женщины, которая глядит на своего ребенка и думает: «Я носила его в лоне моем»?

Эгисф. Замолчишь ты наконец? Или я велю заткнуть тебе рот.

Голоса в толпе. Да, да! Пусть замолчит. Хватит, хватит!

Другие голоса. Нет, дайте ей сказать! Дайте ей сказать. Это Агамемнон вдохновляет ее.

Электра. Как сегодня ясно! Повсюду на равнине люди задирают головы и говорят: «Как сегодня ясно!» – и радуются. А вы, собственные палачи, или вы уже забыли, до чего радостно на душе у крестьянина, когда он шагает по земле и говорит: «Как сегодня ясно!»? Вы еле дышите, головы у вас опущены, руки висят. Ваши мертвецы прилипли к вам, вы и не шевелитесь, боясь потревожить их малейшим движением. Вот ужас-то был бы, а? Если бы ваша рука вдруг прошла сквозь влажный парок – душу вашего отца или предка? Но взгляните на меня: я развожу руки, я поднимаю их, потягиваюсь, как человек, когда он пробуждается, я занимаю столько места на солнце, сколько мне нужно. Разве небо пало на мою голову? Я танцую, смотрите, танцую – и чувствую только ветер в волосах. Где же мертвецы? Или, может, они танцуют в такт со мной?

Верховный жрец. Жители Аргоса, я говорю вам, эта женщина кошунствует. Горе ей и тем, кто ее слушает.

Электра. Дорогие мои мертвецы. Ифигения – моя старшая сестра, Агамемнон – отец мой и единственный повелитель, слушайте мою молитву. Если я кошунствую, если оскорбляю ваши исстрадавшиеся божественные души, подайте знак, скорее подайте мне знак, чтоб я поняла. Но если вы одобряете меня, молчите, молчите, молчите, мои дорогие, прошу вас, пусть лист не шелохнется, травинка не дрогнет, пусть ничто не помешает моему священному танцу: я танцую во славу радости, во славу мира в сердцах людей, во славу счастья и жизни. О мои мертвые, я прошу вашей тишины, чтобы люди, которые меня окружают, знали – ваши сердца со мной. *(Танцует.)*

Голоса в толпе. Она танцует! Поглядите! Она легка, как язычок пламени, она танцует на солнце, как знамя, хлоп-хлоп на ветру – а мертвецы молчат!

Молодая женщина. Посмотрите, в каком она экстазе! Нет, святотатцы выглядят не так! Эй, Эгисф, Эгисф! Ты молчишь; почему ты не отвечаешь?

Эгисф. Разве с вонючками спорят? Их уничтожают! Я совершил некогда ошибку, не тронул ее; но эта ошибка поправима; не бойтесь, я раздавлю ее – и с нею иссякнет ее род.

Толпа. Угрозы – не ответ, Эгисф! Тебе нечего нам больше сказать?

Молодая женщина. Она танцует, она улыбается, она счастлива, и мертвецы точно оберегают ее. Ах! Электра, как я тебе завидую! Но гляди, я тоже поднимаю руки, я тоже подставляю грудь солнцу!

Голоса в толпе. Мертвецы молчат. Эгисф, ты обманул нас!

Орест. Электра, дорогая моя!

Юпитер. Проклятье, пора прекратить болтовню этой девчонки! *(Протягивает руку.)* Позидон, карибу, карибу, люлабу.

Глыба, запиравшая вход в пещеру, с грохотом катится к ступеням храма. Электра оставливается.

Толпа. Ужас!

Долгое молчание.

Верховный жрец. О трусливый и лежачий народ, боги мстят! Смотрите, какие густые рои мух опускаются на нас! Вы внимали святотатственному голосу, и вот мы прокляты!

Толпа. Мы ничего не сделали, это не наша вина, она пришла, она смутила нас своими отравленными речами! В реку колдунью, в реку! Сжечь ее!

Старуха *(показывая на молодую женщину)*. И эту туда же, она пила ее речи, как мед, сорвите с потаскухи одежду, секите ее голую до крови!

Молодую женщину хватают, мужчины поднимаются по ступеням храма и бросаются на Электру.

Эгисф *(пришел в себя)*. Молчать, собаки! На место, соблюдать порядок, я сам позабочусь о наказании.

Молчание.

Ну? Видели, к чему приводит непокорность? Сомневаетесь ли вы все еще в вашем вожде? Идите по домам, мертвецы пойдут с вами, они будут вашими гостями весь день и всю ночь. Дайте им место за вашим столом, у вашего очага, на вашем ложе, постарайтесь примерным поведением загладить все случившееся. Что до меня – я вас прощаю, хотя ваши подозрения мне причинили боль. А ты, Электра...

Электра. Что? Не вышло – в следующий раз сделаю лучше.

Эгисф. Уж я постараюсь не дать тебе такой возможности. Ты знала, что законы города запрещают мне карать в день праздника, и злоупотребила этим. Но я лишаю тебя гражданства, я изгоняю тебя. Ты уйдешь босиком, без вещей, в своем гнусном наряде. И если завтра на заре ты еще будешь в стенах города, я прикажу, чтоб первый, кого ты встретишь, убил тебя, как паршивую овцу. *(Выходит.)*

Стражи следуют за ним. Толпа проходит мимо Электры, грозя ей кулаками.

Юпитер *(Оресту)*. Ну что, государь мой? Поучительно? Высокоморальная история, если я не ошибаюсь: зло было наказано, добродетель восторжествовала. *(Указывая на Электру.)* Эта женщина...

Орест. Эта женщина – моя сестра, приятель! Убирайся, я хочу с ней поговорить.

Юпитер *(мгновение смотрит на него, потом пожмывает плечами)*. Дело твоё. *(Уходит.)*

Педагог следует за ним.

Явление четвертое

Электра на ступенях храма, Орест.

Орест. Электра!

Электра (*поднимает голову и смотрит на него*). А, это ты, Филеб?

Орест. Тебе нельзя оставаться в городе, Электра. Тебе грозит опасность.

Электра. Опасность? Да, в самом деле. Видел, как я срезалась? Тут немного виноват и ты, но я на тебя не сержусь.

Орест. А что я сделал?

Электра. Обманул меня. (*Спускается к нему.*) Дай-ка я посмотрю тебе в лицо. Так и есть, я клюнула на твой взгляд.

Орест. Время не ждет, Электра. Слушай, убежим вместе. Мне тут должны достать лошадей, я посажу тебя за спину.

Электра. Нет.

Орест. Ты не хочешь убежать со мной?

Электра. Я не хочу убегать.

Орест. Я отвезу тебя в Коринф.

Электра (*смеясь*). А, Коринф! Вот видишь, это не нарочно – но ты опять обманываешь меня. Что мне делать в Коринфе? Я должна образумиться. Еще вчера я была так непритязательна в своих желаниях: я подавала на стол, опустив глаза, я смотрела сквозь ресницы на царскую чету: на старую красавицу с мертвым лицом и на него, жирного, бледного, с безвольным ртом и черной бородой, которая, точно полчище пауков, бежит от уха до уха, и я мечтала о струйке пара, похожей на дыхание в морозное утро, о тонкой струйке пара, поднимающейся от их вспоротых животов. Вот и все, чего я хотела, клянусь тебе, Филеб. А ты чего хочешь? Не знаю, но верить тебе нельзя: в твоем взгляде слишком большие притязания. Знаешь, как я думала до знакомства с тобой? Я думала, что мудрость жизни в том, чтоб отплатить злом за зло, которое тебе причинили. Больше я ничего не хотела.

Орест. Электра, если ты последуешь за мной, ты узнаешь, что мудрость не сводится к этому.

Электра. Не хочу больше тебя слушать. Ты причинил мне много горя. Ты явился со своими голодными глазами на нежном девичьем лице, и я позабыла о ненависти, пальцы мои разжались, я выронила мое единственное сокровище. Мне захотелось верить в то, что здешних жителей можно вылечить словами. Ты видел результат: они лелеют свое горе, они нуждаются в привычной язве и заботливо поддерживают ее, расчесывая грязными ногтями. Их можно вылечить только насильно, зло одолеешь лишь злом. Прощай, Филеб, уходи, оставь меня моим дурным снам.

Орест. Тебя убьют.

Электра. Здесь есть святилище – храм Аполлона. Там укрываются иногда преступники, никто не имеет права коснуться волоска на их голове. Я спрячусь туда.

Орест. Почему ты отвергаешь мою помощь?

Электра. Мне должен помочь не ты. Меня освободит другой. (*Пауза.*) Мой брат не умер, я знаю. Я его жду.

Орест. А если он не придет?

Электра. Придет, не может не прийти. Он нашего рода, пойми: преступление и зло у него в крови, как у меня. Это воин с глазами, налитыми кровью, как у нашего отца, всегда готовый на взрыв ярости, он мучается, он запутался в собственной судьбе, как лошадь, раненная в живот, запутывается в кишках, и теперь он двинуться не может, не раздирая себе внутренности. Он придет, этот город притягивает его, я уверена, потому что именно здесь ему дано причинить себе самое страшное зло! Он придет набычившийся, страдающий, роя землю от нетерпения. Я боюсь его, каждую ночь вижу во сне и просыпаюсь с криком. Но я жду и люблю его. Я должна остаться здесь, чтоб направить его ярость – я-то ведь не теряю головы, чтоб указать ему пальцем на виновных и сказать: «Рази, Орест, рази: вот они!»

Орест. А если он не таков, как ты воображаешь?

Электра. Каким же может быть, по-твоему, сын Агамемнона и Клитемнестры?

Орест. А если он, выросший в счастливом городе, устал от всей этой крови?

Электра. Тогда я плюну ему в лицо и скажу: «Убирайся, пес, ступай к бабам, ты сам баба. Но ты плохо рассчитал: ты внук Атрея, и тебе не уйти от судьбы Атридов. Ты предпочел позор преступлению, дело твое. Но судьба найдет тебя и в постели: ты сначала испытаешь позор, а потом свершишь преступление, хочешь или не хочешь!»

Орест. Электра, я – Орест!

Электра (*кричит*). Ты лжешь!

Орест. Клянусь тебе божественной душой моего отца Агамемнона: я – Орест.

Молчание.

Ну? Чего ты ждешь, чтоб плюнуть мне в лицо?

Электра. Как я могу? (*Смотрит на него.*) Этот прекрасный лоб – лоб моего брата. Эти сверкающие глаза – глаза моего брата. Орест... Ах! Лучше бы ты оставался Филебом, а моего брата не было б в живых. (*Робко.*) Ты прежде жил в Коринфе?

Орест. Нет, меня воспитали афинские буржуа.

Электра. Как молодо ты выглядишь. Ты когда-нибудь сражался? Этот меч у твоего пояса – он тебе служил когда-нибудь?

Орест. Никогда.

Электра. Мне было не так одиноко, пока ты не назвал себя: я ждала того, другого. Я думала всегда о его силе, а не о своей слабости. А теперь ты здесь, Орест – это ты. Гляжу я на тебя и вижу, что мы – сироты. (*Пауза.*) Но я люблю тебя, знаешь, крепче, чем любила бы его.

Орест. Пойдем, если ты меня любишь; бежим вместе.

Электра. Бежать? С тобой? Нет. Судьба Атридов решается здесь, а я из рода Атридов. Я тебя ни о чем не прошу. Я больше ни о чем не могу просить Филеба. Но я остаюсь здесь.

В глубине сцены появляется Юпитер, прячется, подслушивая.

Орест. Электра, я – Орест... твой брат. Я тоже Атрид, твое место – рядом со мной.

Электра. Нет. Ты мне не брат, я тебя не знаю. Орест умер, тем лучше для него. Отныне я буду почитать его божественную душу, как чту души отца и сестры. А ты, ты – претендующий на родство – кто ты, чтоб называться Атридом? Прошла ли жизнь твоя под сенью убийства? Ты был, вероятно, спокойным мальчиком, тихим, рассудительным – ты был гордостью приемного отца, – чисто умытым мальчиком, доверчиво глядевшим на мир блестящими глазами. Ты доверял людям, потому что они тебе широко улыбались, столам, кроватям, ступенькам лестниц – потому что это верные слуги человека; ты доверял жизни, потому что был богат, потому что у тебя было много игрушек; тебе случалось думать, что мир не так уж плохо устроен, что погрузиться в него так же приятно, как в теплую ванну, сплошное удовольствие. А я в шесть лет была служанкой, я ничему не доверяла. (*Пауза.*) Уходи, прекрасная душа. Мне прекрасная душа ни к чему: мне нужен был сообщник.

Орест. Неужели ты думаешь, что я тебя оставлю одну? Как сможешь ты тут жить, утратив последнюю надежду?

Электра. Это мое дело. Прощай, Филеб.

Орест. Ты меня гонишь? (*Делает несколько шагов, останавливается.*) Разве я виноват, что не похож на разъяренного солдафона, которого ты ждала? Его ты взяла бы за руку, ты сказала бы ему: «Рази!» Меня ты ни о чем не просишь. Господи, да кто же я такой, если собственная сестра отталкивает меня, даже не испытыв?

Электра. Ах, Филеб! Я никогда не смогла бы возложить подобное бремя на твое сердце, не ведающее ненависти.

Орест (*подавленно*). Ты хорошо сказала: «не ведающее ненависти». Ни любви. Тебя я мог бы полюбить. Мог бы... Но как? Чтоб любить, чтоб ненавидеть, надо отдаться чувству.

Как прекрасен полнокровный человек, человек, который крепко стоит на ногах среди своих владений и отдается в один прекрасный день любви или ненависти, — он отдает вместе с собой свои земли, дом, воспоминания. А кто я? Что могу дать я? Я едва существую: из всех призраков, блуждающих сегодня по городу, я — самый призрачный. Я испытал призрачные увлечения, преходящие и бесплотные, как пары. Но я не знаю, что такое тяжелая страсть живого человека. *(Пауза.)* Позор! Я вернулся в родной город, и сестра отказывается признать меня. Куда же мне теперь? Какого города мне стать наваждением?

Электра. Разве нет города, где тебя ждет девушка с прекрасным лицом?

Орест. Никто меня не ждет. Я скитаюсь из города в город, чуждый всем и самому себе, я ухожу, и город смыкается за мной, как тихие воды. Вот я покину Аргос, какой след от меня останется? Разве что горечь разочарования в твоём сердце?

Электра. Ты рассказывал о счастливых городах...

Орест. Что мне до счастья. Я хочу, чтоб у меня были мои воспоминания, моя почва, мое место среди жителей Аргоса.

Молчание.

Электра, я не уйду отсюда.

Электра. Филеб, уходи, умоляю тебя. Мне тебя жаль, уходи, если я дорога тебе. Ты здесь не найдешь ничего, кроме горя, а мне твоя невинность будет только помехой.

Орест. Не уйду.

Электра. Так я и позволю тебе остаться здесь, чтоб ты мне докучал своей чистотой, чтоб я робела твоего суда? Зачем ты упрямисься? Ты здесь никому не нужен.

Орест. Это моя последняя надежда. Ты не можешь отнять ее у меня, Электра. Пойми: я хочу быть человеком откуда-нибудь, человеком среди людей. Подумай: раб, когда он проходит, усталый, не в духе, сгибаясь под тяжестью ноши, понурив голову и глядя себе под ноги — только под ноги, чтоб не упасть, — даже этот раб — в своем городе, как лист в листве, как дерево в лесу. Аргос окружает его, весомый, теплый, полный самим собой. Я хочу быть этим рабом, Электра, я хочу натянуть город на себя, завернуться в него, как в одеяло. Не уйду.

Электра. Проживи хоть сто лет меж нас, все равно останешься чужим, одиноким, как путник на большой дороге, даже хуже. Люди будут смотреть на тебя искоса, не поднимая глаз, они будут понижать голос при твоём приближении.

Орест. Разве служить вам так трудно? Мои руки годятся, чтоб защищать город, у меня есть золото, чтоб помочь нуждающимся.

Электра. Нам не нужны ни военачальники, ни благотворители.

Орест. Тогда... *(Делает несколько шагов, опустив голову.)*

Появляется Юпитер, глядит на него, потирая руки.

(Поднимает голову.) Если б я хоть понимал все ясно. Ах, Зевс, Зевс, царь небесный, я редко обращался к тебе, и ты ко мне не был особенно благосклонен, но будь свидетелем — я всегда стремился только к добру. Теперь я устал, не различаю, где зло, где добро, я нуждаюсь в том, чтоб мне указали путь. Зевс, неужели царский сын, у которого отняли родину, в самом деле должен свято покориться изгнанию — и, втянув голову в плечи, убратся подобру-поздорову, уползти, как собака, на брюхе? Такова твоя воля? Не могу поверить. И, однако... однако, ты запрещаешь проливать кровь... Ах, при чем тут кровь, я сам не знаю, что говорю... Зевс, молю тебя: если ты предписываешь мне покориться и подло унизиться, дай знамение, потому что я окончательно запутался.

Юпитер *(про себя)*. За чем же дело стало: к твоим услугам! Абракадабра, абракадабра, це-це!

Вокруг камня возникает сияние.

Электра *(хохочет)*. Ха-ха, сегодня чудеса как грибы после дождя! Видишь, до чего полезно быть набожным, Филеб, и испрашивать совета богов! *(Надрывается со смеху.)* Добродетельный молодой человек, набожный Филеб: «Поддай мне знак, Зевс, поддай мне знак!» И

пожалуйста – вокруг священного камня появляется сияние. Убирайся! В Коринф! В Коринф! Убирайся!

Орест (*глядя на камень*). Значит... ЭТО – добро. (*Пауза. Не отрываясь, смотрит на камень.*) Тихонько смыться. Тихонько. Всегда говорить «простите» и «благодарю»... Значит, это? (*Пауза. Не отрываясь, смотрит на камень.*) Добро. ИХ добро. (*Пауза.*) Электра!

Электра. Ступай, ступай, живо. Не разочаровывай мудрую кормилицу, склонившуюся к тебе с Олимпа. (*Замолкает, озадаченная.*) Что с тобой?

Орест (*изменившимся голосом*). Есть и иной путь.

Электра (*в ужасе*). Не строй из себя злодея, Филеб. Ты испрашивал повеления богов: теперь ты знаешь их волю.

Орест. Повеления? А, да... Ты говоришь о свете вокруг этого большого булыжника? Этот свет не для меня, мной теперь никто не может повелевать.

Электра. Ты говоришь загадками.

Орест. Как ты вдруг удалилась от меня... как все изменилось! Меня окружало нечто живое и теплое. Оно умерло... Как все пусто... Ах, какая пустота, какая беспредельная пустота, насколько глаз хватает! (*Делает несколько шагов.*) Опускается ночь... Стало холодно, ты не находишь?.. Но что же это... что же это умерло?

Электра. Филеб...

Орест. Я сказал тебе, что есть и иной путь... мой путь. Ты не видишь его? Он начинается отсюда и идет вниз, в город. Надо спуститься, спуститься к вам, вы – на дне ямы, на самом дне... (*Подходит к Электре.*) Ты – МОЯ сестра, Электра, этот город – МОЙ город. Сестра МОЯ. (*Берет ее за руку.*)

Электра. Пусти! Ты делаешь мне больно, я тебя боюсь – и я не принадлежу тебе.

Орест. Знаю. Пока еще не принадлежишь: я слишком невесом. Я должен взвалить на плечи тяжкое преступление, которое потянет меня на дно – в самые глубины Аргоса.

Электра. Что ты задумал?

Орест. Подожди. Дай мне проститься с моей невесомой чистотой. Дай проститься с юностью. Бывают вечера в Коринфе, в Афинах, вечера, пьянящие песнями, запахами, – они отныне не для меня. Не для меня рассветы, пьянящие надеждой... Ну ладно, прощайте. Прощайте. (*Подходит к Электре.*) Пошли, Электра, взгляни на наш город. Вот он – красный на солнце, кишачий людьми и мухами, погруженный в тупое оцепенение послеполуденного жара; его стены, крыши, запертые двери – все отвергает меня. Но я должен овладеть им. С сегодняшнего утра я чувствую это. И тобой тоже, Электра, я должен овладеть. Я овладею вами. Я обращусь в колун и рассеку надвое эти упрямые стены, я вспорю брюхо этим домам-святошам, так что запах жратвы и ладана вырвется наружу из разверстых ран; я обращусь в топор, я врежусь в самую сердцевину этого города, как врежется топор в сердцевину дуба.

Электра. Как ты изменился: глаза твои больше не светятся, они потускнели, померкли. Увы! Ты был таким мягким, Филеб. А теперь ты говоришь со мной, как тот, другой, говорил в моих снах.

Орест. Послушай: все эти люди дрожат в своих темных комнатах, окруженные дорогими покойниками, но представь, что я возьму их преступления на себя. Представь, что я хочу заслужить титул «похитителя угрызений совести», что я вберу в себя покаяние всех: и покаяние женщины, изменившей мужу, и покаяние торговца, уморившего мать, и покаяние ростовщика, обиравшего насмерть своих должников! Скажи, разве в тот день, когда на меня обрушится больше угрызений совести, чем мух в Аргосе, – все, чем угрызался город, разве в тот день я не заслужу права гражданства среди вас? Разве я не почувствую себя дома – в этих залитых кровью стенах, подобно тому как мясник в окровавленном фартуке чувствует себя дома в своей лавке, среди кровоточащих туш, только что им освежаванных?

Электра. Ты хочешь испугать за нас грехи?

Орест. Искупить? Я сказал, что вберу в себя покаяния всех, но я не сказал, как поступлю с этими кудахтающими курами: может, я сверну им шею.

Электра. А каким образом ты возьмешь на себя наши злодеяния?

Орест. Вы только и мечтаете от них отделаться. Царь и царица насильно заставляют вас помнить о них.

Электра. Царь и царица... Филеб!

Орест. Боги свидетели, я не хотел пролить их кровь.

Долгое молчание.

Электра. Ты слишком молод, слишком слаб...

Орест. Неужели ты отступишь теперь? Спрячь меня во дворце, вечером проведешь меня к царскому ложу и увидишь, слаб ли я.

Электра. Орест!

Орест. Электра. Ты впервые назвала меня Орестом.

Электра. Да. Это ты. Ты – Орест. Я не узнала тебя, я ждала тебя не таким. Но эта горечь во рту, этот привкус лихорадки – я тысячу раз ощущала его в моих снах, – я узнаю его теперь. Итак, ты явился, Орест, и твое решение принято, и я, как в моих снах, на пороге непоправимого поступка, и мне страшно – как во сне. О миг, которого я так ждала и так боялась! Отныне минуты будут цепляться одна за другую с механической неотвратимостью, и у нас не будет роздыха, пока оба они не упадут навзничь, и лица их будут подобны раздавленным тутовым ягодам. Сколько крови! И ее прольешь ты, ты, чей взгляд был так мягок. Увы, никогда уж мне не видеть этой мягкости, никогда не видеть вновь Филеба. Орест, ты мой старший брат и глава семьи, обними меня, оборони – мы идем навстречу великим страданиям.

Орест обнимает ее. Юпитер выходит из своего убежища и крадучись удаляется.

Картина вторая

Во дворце. Тронный зал. Статуя Юпитера, жуткая, окровавленная. Темнеет.

Явление первое

Электра, входит первой, делает знак Оресту.

Орест. Кто-то идет. *(Обнажает меч.)*

Электра. Это солдаты делают обход. Спрячемся здесь.

Прячутся за тронном.

Явление второе

Электра и Орест, спрятавшиеся, двое солдат.

Первый солдат. Не знаю, что сегодня с мухами, прямо обезумели.

Второй солдат. Чуют мертвецов и радуются. Я даже зевнуть не смею, боюсь – ринутся в открытый рот и устроят карусель в глотке.

Электра на мгновение показывается и снова прячется.

Послушай, что-то скрипнуло.

Первый солдат. Это Агамемнон сел на трон.

Второй солдат. И под его широким задом закрипели доски сиденья? Нет, коллега, невозможно: мертвецы ничего не весят.

Первый солдат. Это простой народ ничего не весит. А он, до того как по-царски помереть, любил пожить по-царски и весил, год больше, год меньше, свои восемь пудов. Вот невидаль, если ему от них осталось несколько фунтов.

Второй солдат. Так ты думаешь... он здесь?

Первый солдат. А где ему быть? Если бы я, к примеру, был мертвым царем и мне б ежегодно давали увольнительную на сутки, я уж точно проводил бы этот денек на своем троне – посидел бы, припомнил всякое, разные разности из приятного прошлого, никому не причиняя зла.

Второй солдат. Ты так говоришь, потому что живой. А был бы не живой, стал бы такой же вредный, как остальные.

Первый солдат дает ему пощечину.

Да ты что?

Первый солдат. Для твоей же пользы – гляди, одним махом семерых пристукнул, целый рой.

Второй солдат. Кого, покойников?

Первый солдат. Да нет. Мух. Вся рука в крови. *(Вытирает руку о штанину.)* Паскуды.

Второй солдат. Чтоб богам убить их при рождении. Подумай только, сколько здесь покойников, а все тише воды, ниже травы, стараются никому не мешать. Были бы мухи дохлыми, и они бы так себя вели.

Первый солдат. Заткнись, только мушиных привидений тут не хватало...

Второй солдат. А что они тебе?

Первый солдат. Соображаешь? Их ведьдохнут каждый день миллионы. Если бы на город выпустили всех мух, которые умерли с прошлого лета, то на каждую живую пришлось бы триста шестьдесят пять мертвых, и все бы они роились вокруг нее. Брр! Воздух был бы просахарен мухами, мы бы ели мух, дышали мухами, они просачивались бы в наши бронхи, в кишки, как липкий сироп... Слушай, может быть, здесь от этого так странно пахнет?

Второй солдат. На такой зал, в сто квадратных метров, вполне достаточно несколько покойников, чтоб все провоняло. Говорят, у наших покойников дурно пахнет изо рта.

Первый солдат. Подумать только! Они себе портят кровь, эти...

Второй солдат. Говорю тебе, тут что-то не то: пол скрипит.

Они заглядывают за трон с правой стороны; Орест и Электра выходят из-за него слева, проходят перед ступенями трона и, зайдя за трон справа, вновь прячутся в тот момент, когда солдаты выходят слева.

Первый солдат. Никого нет, видишь. Это Агамемнон, говорю тебе, проклятый Агамемнон! Должно быть, сидит на этих подушках прямой, точно палку проглотил, и смотрит на нас. Да и как ему иначе убить время, делать-то нечего – вот он и смотрит.

Второй солдат. Может, лучше встать по стойке смирно, хрен с ними, с мухами, пусть щекочут нос.

Первый солдат. Был бы я сейчас в кордегардии, в картишки б перекинулся. Мертвецы, которые туда заходят, свои ребята, такая же пехота. Как подумаю, что покойник царь здесь, подсчитывает, сколько пуговиц не хватает на моем мундире, становится не по себе, точно на генеральском смотрю.

Входят Клитемнестра, Эгисф, служители вносят лампы.

Эгисф. Пусть нас оставят одних.

Явление третье

Эгисф, Клитемнестра, Орест и Электра, спрятавшиеся.

Клитемнестра. Что с вами?

Эгисф. Вы видели? Если б я не поразил их ужасом, они во мгновение ока избавились бы от своих угрызений совести.

Клитемнестра. Стоит ли из-за этого беспокоиться? Вы всегда сумеете в нужный момент охладить их пыл.

Эгисф. Возможно, я здорово наловчился разыгрывать эти комедии. *(Пауза.)* Я сожалею, что должен наказать Электру.

Клитемнестра. Потому что в ней течет моя кровь? Вы сочли уместным наказать ее, а я нахожу правильным все, что вы делаете.

Эгисф. Женщина, я сожалею об этом не из-за тебя.

Клитемнестра. Тогда почему же? Вы не любили Электру.

Эгисф. Я устал. Вот уже пятнадцать лет, как я держу на вытянутой руке угрызения совести целого народа. Вот уже пятнадцать лет, как я наряжаюсь огородным пугалом: эти черные одеяния слиняли на мою душу.

Клитемнестра. Но, государь, ведь и я...

Эгисф. Знаю, женщина, знаю: сейчас ты станешь говорить о своих угрызениях совести. Что ж, завидую, они наполняют твою жизнь. А у меня их нет, но я самый печальный человек в Аргосе.

Клитемнестра. Мой дорогой государь... *(Подходит к нему.)*

Эгисф. Отстань, потаскуха! Не стыдно тебе – у него на глазах?

Клитемнестра. У него на глазах? Кто смотрит на нас?

Эгисф. Как кто? Царь. Сегодня утром выпустили мертвецов.

Клитемнестра. Государь, умоляю вас... Мертвецы под землей и не так скоро обременят нас. Вы что, забыли, что сами сочинили все эти басни для народа?

Эгисф. Ты права, женщина. Но что с того? Видишь, как я устал? Оставь меня. Мне надо собраться с мыслями.

Клитемнестра уходит.

Явление четвертое

Эгисф, Орест и Электра.

Эгисф. Ну как, Юпитер? Такого царя желал ты для Аргоса? Я представляюсь, выступаю, умею кричать громовым голосом, являю всюду лик, наводящий ужас, и те, кому я попадаюсь на глаза, чувствуют себя виноватыми до мозга костей. Но я – пустая скорлупа: какой-то зверь незаметно для меня самого сгрыз мое нутро. Гляжу в себя и вижу, что я мертвее Агамемнона. Я сказал, что печален? Я солгал. Эта пустыня – необозримое небытие песков под ясным небытием неба – ни печальна, ни весела: она зловеща. Ах, я отдал бы царство, чтоб пролить слезу!

Входит Юпитер.

Явление пятое

Те же, Юпитер.

Юпитер. Посетуй, посетуй: ты царь, как все цари.

Эгисф. Кто ты? Зачем ты здесь?

Юпитер. Ты не узнаешь меня?

Эгисф. Уходи, или я прикажу, чтоб стражи тебя вышвырнули.

Юпитер. Ты не узнаешь меня? А ведь ты меня видел. Во сне. Правда, я выглядел ужаснее.

Гром, молния. Юпитер принимает ужасный вид.

А теперь?

Эгисф. Юпитер!

Юпитер. Наконец-то. *(Снова улыбается, подходит к статуе.)* Это я? Вот таким, значит, они видят меня, когда молятся, жители Аргоса? Не часто богу приходится созерцать свое изображение лицом к лицу. *(Пауза.)* Мать ты моя, до чего ж я уродлив! Не очень-то они должны меня любить.

Эгисф. Они вас страшатся.

Юпитер. Прекрасно. Любовь мне ни к чему. А ты? Ты меня любишь?

Эгисф. Что вам еще нужно от меня? Разве я не заплатил сполна?

Юпитер. Сполна? Людской долг неоплатен.

Эгисф. Я валюсь под бременем...

Юпитер. Не преувеличивай! Ты здоров и толст! Впрочем, это я не в упрек тебе. Отличный царский жир, желтый, как свечное сало, так и надо. Ты скроен, чтоб прожить еще двадцать лет.

Эгисф. Еще двадцать лет!

Юпитер. Ты хочешь умереть?

Эгисф. Да.

Юпитер. А если б сейчас кто-нибудь вошел сюда с обнаженным мечом, ты подставил бы грудь под меч?

Эгисф. Не знаю.

Юпитер. Слушай меня внимательно. Если ты дашь себя зарезать, как теленка, ты будешь наказан самым строгим образом: останешься царем в Тартаре на веки веков. Я пришел, чтобы предупредить тебя.

Эгисф. Кто-нибудь хочет меня убить?

Юпитер. Говорят.

Эгисф. Электра?

Юпитер. И еще кое-кто.

Эгисф. Кто?

Юпитер. Орест.

Эгисф. А! (*Пауза.*) Ну что ж, это в порядке вещей, тут ничего не поделаешь.

Юпитер. «Ничего не поделаешь»? (*Другим тоном.*) Вели тотчас схватить молодого чужеземца, который называет себя Филебом. Пусть его бросят вместе с Электрой в какое-нибудь подземелье – и я позволяю тебе забыть, что они там. Ну? Чего ты ждешь? Зови стражу.

Эгисф. Нет.

Юпитер. Снизойдешь ли ты, чтобы объяснить мне мотивы твоего отказа?

Эгисф. Я устал.

Юпитер. Чего смотришь в пол? Подними на меня свои глаза, налитые кровью. Так, так! Ты породист и глуп, как конь. Но твое сопротивление не из тех, что становятся мне поперек горла. Это перец, который только придает вкус твоей покорности. Я ведь знаю, что ты в конце концов уступишь.

Эгисф. Я вам сказал, что не намерен входить в ваши планы. Хватит с меня.

Юпитер. Смелей! Сопrotивляйся, сопротивляйся! Люблю полакомиться такими душами, как твоя. Глаза мечут молнии, кулаки сжимаются, ты бросаешь отказ в лицо Юпитеру. И, однако, ах ты, дурачок, коняшка, гадкий маленький коняшка, сердцем ты ведь давно сказал мне: да. Ну-ну, ты подчинишься. Или ты думаешь, что я спустился с Олимпа просто так? Я хотел тебя предупредить о готовящемся преступлении, потому что хочу ему помешать.

Эгисф. Предупредить меня!.. Странно.

Юпитер. Напротив, совершенно естественно: я стремлюсь отвести опасность от твоей головы.

Эгисф. Кто вас просит об этом? Разве Агамемнона вы предупреждали? А ведь он хотел жить.

Юпитер. О неблагодарная натура, о гнусный характер: ты мне дороже, чем Агамемнон, я даю тебе доказательство этого, а ты еще жалуешься.

Эгисф. Я – дороже Агамемнона? Я? Это Орест вам дорог. Когда я погубил себя, вы и пальцем не пошевелили, вы позволили мне добежать до царской ванны с топором в руках – и,

конечно, облизывались в эту минуту там, у себя наверху, предвкушая, как сладка душа грешника. А сегодня вы оберегаете Ореста от него самого. И меня, которого сами же толкнули на убийство отца, заставляете теперь удерживать руку сына. Я только и сгодился, чтобы стать убийцей. А он? Извините, пожалуйста, на него, разумеется, есть иные виды.

Юпитер. Какая забавная ревность. Успокойся: я люблю его не больше, чем тебя. Я никого не люблю.

Эгисф. Смотрите же, во что вы превратили меня, несправедливый бог. И ответствуйте: если сегодня вы мешаете преступлению, задуманному Орестом, почему дали свершить преступление мне?

Юпитер. Не от всякого преступления меня воротит. Как царь царю скажу тебе, Эгисф, со всей откровенностью: первое преступление содеял я сам, сотворив людей смертными. Что после этого остается вам, убийцам? Отправлять ваши жертвы на тот свет? Велика важность, они все равно туда отправятся; вы только немножко поторопили смерть. Знаешь, что ждало Агамемнона, если бы ты не прикончил его? Через три месяца он скончался бы от апоплексического удара на груди у прекрасной рабыни. Но твое преступление сослужило мне службу.

Эгисф. Сослужило вам службу? Я искупаю свою вину в течение пятнадцати лет, а оно сослужило вам службу? Горе мне!

Юпитер. Ты что? Оно сослужило мне службу именно потому, что ты искупаешь его; мне нравятся преступления, когда от них есть прок. Твое мне понравилось, потому что это было слепое и глухое убийство, лишенное самосознания, древнее, похожее скорее на стихийный катаклизм, чем на человеческое деяние. Ты не бросал мне вызова: ты разил, одержимый страхом и яростью, а потом, когда жар спал, твой собственный поступок ужаснул тебя, ты отказался нести за него ответственность. И смотри, какой доход извлек я: за одного убитого – двадцать тысяч не вылезают из покаяния, вот баланс. Недурная сделка.

Эгисф. Вижу я, что скрывается за всеми вашими речами: у Ореста не будет угрызений совести.

Юпитер. Ни тени. В эту минуту он скромно, холодно, методично разрабатывает свой план. На кой ляд мне сдалось убийство без угрызений совести, убийство дерзкое, вызывающее, спокойное, невесомое, как пар, в душе убийцы. Не позволю! Ох, ненавижу преступления нынешней молодежи: сорняки, плевелы, никаких полезных всходов. Этот тихий юноша заколет тебя, как цыпленка, и уйдет с красными руками и чистой совестью; я бы на твоём месте счел это унижительным. Ну! Зови стражу!

Эгисф. Я уже сказал – нет. Это преступление вам так не нравится, что оно нравится мне.

Юпитер (*меняя тон*). Эгисф, ты царь, я взываю к тебе как к царю. Ты ведь любишь царствовать.

Эгисф. Ну?

Юпитер. Ты ненавидишь меня, но мы – родня. Я создал тебя по образу своему и подобию: царь – бог на земле, он благороден и зловец, как бог.

Эгисф. Это вы-то зловещи?

Юпитер. Посмотри на меня.

Долгое молчание.

Я сказал тебе, что ты создан по образу моему и подобию. Мы оба следим за тем, чтоб царил порядок, – ты в Аргосе, я – во всем мире; и один и тот же секрет камнем лежит у нас на сердце.

Эгисф. У меня нет секретов.

Юпитер. Есть. Тот же, что у меня. Мучительный секрет богов и царей: они знают, что люди свободны. Люди свободны, Эгисф. Тебе это известно, а им – нет.

Эгисф. Проклятье, знай они это, они б давно пустили мне красного петуха во дворец. Вот уже пятнадцать лет я разыгрываю комедию, чтоб они не поняли своей силы.

Юпитер. Видишь, мы подобия.

Эгисф. Подобия? Какая ирония в том, что бог заявляет о своем подобии мне. С тех пор как я сел на престол, во всем, что я делаю и говорю, одна цель: создать собственный образ; хочу, чтоб каждый мой подданный нес этот образ в себе, чтоб даже наедине с собой он ощущал мой суровый взгляд на самой тайной из своих мыслей. Но я сам первый пал жертвой: я вижу себя таким, каким видят меня они, я склоняюсь над открытым колодезем их душ и там, в глубине, вижу свое отражение, оно мне отвратительно, оно притягивает меня. О всемогущий бог, что я такое? Я всего лишь страх, испытываемый передо мной другими.

Юпитер. А я кто, по-твоему? (*Показывает на статую.*) Я тоже – мое изображение. Думаешь, у меня не идет от этого голова кругом? Вот уже сто тысяч лет я пляшу перед людьми. Медленная, мрачная пляска. Нужно, чтоб и они смотрели на меня: пока взор их прикован ко мне, они забывают смотреть в себя. Если я забудусь на мгновение, если позволю им оторвать взгляд...

Эгисф. Тогда?..

Юпитер. Оставим. Это мое личное дело. Ты устал, Эгисф. Но как можешь ты роптать? Ты умрешь. А я – нет. Пока есть люди на земле, я обречен плясать перед ними.

Эгисф. Увы! Но кто обрек нас?

Юпитер. Мы сами. У нас ведь одна страсть. Ты любишь порядок, Эгисф.

Эгисф. Порядок. Это правда. Ради порядка я соблазнил Клитемнестру, ради порядка убил моего царя. Я хотел, чтоб царил порядок и чтоб порядок был установлен мной. Я жил, не зная желаний, не зная любви, не зная надежды: я блюл порядок. О чудовищная и божественная страсть!

Юпитер. Иные страсти нам неведомы: я – бог, ты рожден быть царем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.